

— Да, да, именно так. Вы слышали о жене сына семьи Ли? Она пела в народном театре, а потом оказалась в постели у главнокомандующего и не захотела возвращаться. Её собственного отца и дочь убили, а она даже не поинтересовалась. Эти артисты — все сплошь подонки...

— Пф! Смотрите, как он держится с видом праведника, а на самом деле просто продажная шлюха, которая пробилась наверх благодаря своим связям...

Голоса женщин за окном становились всё грубее, словно весь гнев от утренней стирки одежды для всей семьи вылился на того, кто стоял в соседнем доме. Гу Шэн медленно закрыл окно, но непристойные слова всё равно просачивались сквозь щели.

Он вернулся в дом своей приёмной матери в Цзиньчжоу.

Во время войны в Цзингуане женщина, потерявшая мужа, не смогла прокормить двух сыновей и отдала их в театральную труппу. Когда война разгорелась, она села на поезд, уходящий на юг, и исчезла на долгие годы. Она думала, что больше никогда не увидит своих детей, но когда обстановка немного успокоилась, а искусство вновь расцвело, она увидела в газете фотографию и статью о Лю Мян, начинающей актрисе труппы Хунсинь. Женщина долго смотрела на фото, дрожащими руками прижала газету к груди и разрыдалась.

Она решила отправиться на север в поисках сына. По пути она встретила Гу Шэна, который был в лихорадке и без сознания. Увидев, что юноша похож на её собственного сына, она прониклась состраданием и ухаживала за ним всю ночь. На следующий день, узнав, что Гу Шэн тоже направляется на север, они продолжили путь вместе.

Мэйсян стала для Гу Шэна случайным благодетелем, и он, помня её доброту, признал её своей приёмной матерью. Лю Мян, хотя и не признавала её матерью, всё равно помогала женщине. Когда у неё было свободное время или она проезжала мимо, она всегда заходила навестить её.

Гу Шэн уже давно привык к подобным пересудам и старался не обращать на них внимания. Мэйсян не было дома, вероятно, она ушла с младшей дочерью, чтобы заработать на жизнь. Гу Шэн прибрался в доме, нашёл пакет с лекарствами, которые Мэйсян принимала, и, посмотрев на время, решил разогреть воду. Только он переступил порог, как чуть не столкнулся с кем-то, кто спешно вбежал внутрь.

— Ох, братец!

Тонкий голосок девочки раздался снизу. Гу Шэн поспешно отступил и посмотрел вниз. Девочка с двумя косичками обняла его за талию и, подняв голову, улыбнулась ему.

Ей было лет семь-восемь, она была худенькой и маленькой, ростом примерно до пояса Гу Шэна, но выглядела бойкой. На её грязных щеках сияла улыбка, редкая в это беспокойное время.

Гу Шэн, казалось, был тронут, присел и посмотрел на неё:

— Это ты, Лин-лин? Почему ты одна бегаешь на улице?

— Я не одна! Лысый взял нас собирать окурки, сказал, что если соберём много, можно будет обменять их на деньги. — Девочка говорила живо и непринуждённо, её детский голос был приятным, но не слащавым. Она словно боялась, что Гу Шэн не поверит, и подняла маленький мешочек. — Мы долго собирали, вчера я попробовала завернуть их в бумагу, но чуть не сожгла, так испугалась...

Два мальчика выглядывали из-за двери, один из них был с бритой головой, и Гу Шэн его узнал. Он улыбнулся, встал и погладил девочку по голове:

— Это не дело для девочки. Не позволяй этим мальчишкам тебя сбить с пути.

Мальчишки смеялись, строя рожи Лин-лин, но она недовольно фыркнула:

— Ну уж нет! Я лучше них! Я знаю, где больше и быстрее собирать, а они не знают!

Гу Шэн рассмеялся над этой детской конкуренцией и, поглаживая голову девочки, с улыбкой сказал:

— Хорошо, хорошо, кто сказал, что девочки хуже мальчиков? Наша Лин-лин точно всех их обгонит...

Не успел он договорить, как из двери раздался тихий кашель, и низкий голос произнёс:

— Лин-эр! Иди сюда!

Гу Шэн резко поднял голову.

Худая и измождённая женщина с корзиной стояла в дверях, продолжая кашлять. Разговоры женщин вокруг стихли, а затем стали ещё громче.

Гу Шэн опустил взгляд и медленно подошёл к женщине, опустившись перед ней на колени.

Глухой звук удара коленей о землю заставил всех содрогнуться. Шумный двор мгновенно затих.

Мэйсян отступила на шаг, крепко прижала Лин-эр к себе, её руки, сжимающие девочку, побелели, и она пристально смотрела на молодого человека на земле.

Гу Шэн слегка поднял взгляд:

— Мама.

Ранним утром Шэнь Вэньчан отказался от предложения друзей остаться играть в карты и, пошатываясь, вышел из клуба, поддерживаемый любовницей. Охранник ушёл за машиной, а Шэнь приказал Ли Сяохуа принести ему чашку чая, сам же опёрся на стену, чтобы перевести дух.

Даже в самом центре оживлённого Цзиньчжоу в это время было тихо, только изредка доносились звуки торговцев, начинающих раскладывать свои прилавки, и бегущих рикш. Эта тишина казалась Шэнь Вэньчану странной, словно шум и смех, которые только что звучали у него в ушах, вдруг исчезли, и он остался один наедине с миром.

Он настороженно оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. И в тот момент, когда он начал сомневаться...

Медная пуля прошла через его шею.

Гу Шэн сам пришёл в труппу. Сначала хозяин труппы Хунсинь Янь Дэчжи не хотел его брать, считая, что он уже слишком взрослый, но не смог устоять перед его красивым лицом. Гу Шэн ничего не сказал, просто встал перед Янь Дэчжи и спел отрывок из «Суолиньнан».

Как только он запел, Янь Дэчжи понял, что, независимо от происхождения этого парня, он нашёл настоящую жемчужину.

Голос Гу Шэна был гибким, его глаза были выразительными, а фигура — стройной и крепкой. Он был человеком, которого стоило выделить.

Все, кто присутствовал тогда, запомнили эту сцену. Когда он закончил петь, Янь Дэчжи подозвал его ближе, взял за подбородок и, рассматривая его тонкое лицо, с восхищением сказал:

— Мужчина с женской внешностью, глаза, полные чувств. Редкость! Редкость!

Эти слова Янь Дэчжи до сих пор помнят старые члены труппы. Каждый раз, когда вспоминают прошлое, обязательно упоминают, что хозяин труппы, выбирая людей, только кивал или качал головой, а о Гу Шэне сказал, что его внешность и судьба — это нечто уникальное за двадцать лет его работы. Даже Лю Мян, ныне знаменитая актриса, когда только пришла в труппу, получила лишь одно слово: «Подходит».

А когда Гу Шэн попал в труппу, его трудолюбие удивило даже Янь Дэчжи. В то время как другие дети его возраста мечтали стать знаменитостями и ленились, он без усталости учил тексты, репетировал и тренировал своё тело. Даже когда он ошибался, и Янь Дэчжи, как обычно, собирался его наказать, он молча принимал удары.

Жена Янь Дэчжи, увидев, как он после наказания молча вернулся к тренировкам, похвалила его, сказав, что он серьёзный и преданный своему делу.

Но сам Янь Дэчжи, глядя на его спину, слегка нахмурился:

— Сложно сказать, сложно...

— У этого парня слишком глубокие мысли, их не понять.

— Ты...

Женщина глубоко вздохнула, её измождённое лицо, истощённое тяжёлой работой, было бледным, словно она изо всех сил сдерживала эмоции:

— Ты до сих пор называешь меня мамой...

Гу Шэн молчал.

Мэйсян, держа Лин-эр за руку, сделала два шага вперёд. Её поношенное платье с заплатками мелькнуло перед глазами Гу Шэна, словно она собиралась просто обойти его и войти в дом. Она вздохнула и сказала:

— Уходи.

Гу Шэн резко повернулся, его глаза пристально смотрели на спину Мэйсян, его голос был тихим, но твёрдым:

— Я не сделал ничего, что могло бы опозорить нашу семью, мама, если...

— Хлоп!

Мэйсян развернулась и ударила Гу Шэна по лицу.

Женщина, обычно добрая и спокойная, никогда не проявляла такой жестокости. Гу Шэн, не ожидая удара, был отброшен в сторону. На его бледном лице остался кровавый след от удара.

— Ничего не опозорил?! Как же не опозорил! Ты всё, что я тебе говорила, забыл?! — Мэйсян дрожала от гнева, Лин-эр испуганно схватила её за руку, но женщина не обратила на это внимания. Она продолжала дрожать, озираясь в поисках чего-то, пока не увидела на полке прут для выбивания пыли. Она схватила его и ударила Гу Шэна по спине. — Что я тебе говорила, а? Говори! Говори же!

Гу Шэн кашлянул, медленно выпрямился на коленях и тихо сказал:

— ...Человек ценится за своё достоинство.

Прут снова со свистом опустился:

— И что ещё?!

10.

<http://bllate.org/book/16144/1445666>